

Сев. Россия 1985
13.06.85

Писателю-фронтовику Евгению Носову — 60 лет

СЧАСТЬЕ — БЫТЬ ИСКРЕННИМ

Вот и Евгению Носову пришла пора юбилея. А он будто бы этого не замечает. Публикуемые на страницах «Советской России» и в первом номере журнала «Наш современник» рассказы «Из записной книжки» далеки от благостного умиротворения, от удовлетворения самим собой. Он не собирается уходить с передовой. Казалось бы, сделано столько для современной литературы, остались заметными вехами и рассказы о современной деревне «Обездички», «Шуба», «И уплывают пароходы...», повесть «Шумит луговая овсяница», и произведения, посвященные памяти войны, — «Красное вино победы», «Шопен, соната номер два». Остались знаменитые «Усвятские шлемоносцы», как бы соединившие воедино, связавшие одним узлом два мощных потока нашей прозы, — деревенской и военной. И неожиданно уже совсем недавно выход на самые злободневные проблемы восьмидесятых годов. Пусть не в прозе, а в очерке, зато каком. Сразу вспоминаются уроки Овечкина.

Гражданственность, государственность, народность — это киты социального и художественного мышления Евгения Носова. «Мастерство — это не просто ловкость рук, но и труд души», но как сегодня прорваться до души, как заставить современника оглянуться на себя, как понять, что с нами происходит? И, кажется, художнику уже не до широких полетов, у него столь мало времени, что он выходит говорить напрямую с читателем. Примета времени — «Затеси» В. Астафьева, «Мгновенья» Ю. Бондарева, «Намешки на ладони» В. Солоухина. И вот «Из записной книжки» Е. Носова.

Название условное, так записные книжки не ведутся, художественная законченность этих коротких рассказов очевидна. Что ни рассказ, то характер, емкий художественный образ. Их еще предстоит как-то обобщить, типизировать, но они уже услышаны встревоженной совестью большого мастера.



В наше напряженное время прозаик хочет понять, кто пришел на смену усвятским шлемоносцам, какова их духовность, каково социальное состояние.

Великая Отечественная война, война народная, продемонстри-

ровала множество примеров общественного героизма, героизма людей, понимающих свою жизнь как служение сверхличной цели. Мужики — жители Овсянок и Тимоних, Лешуновья и Борнов, «усвятские шлемоносцы», поднявшиеся на врага от

уссурийских таежных деревень до белорусских хуторов. Евгений Носов дерзнул в этой книге на огромное — передачу реального бытия духа своего народа. «Усвятские шлемоносцы» — книга о народе. Время определит, что удалось писателю, что

не совсем, но книга уже есть, она читается. А это главное. Это надежная опора Евгения Носова в его сегодняшней работе.

Владимир БОНДАРЕНКО.
НА СНИМКЕ: Е. Носов с матерью. Фото П. Кривонова.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

НА КУРСКОЙ ДУГЕ

Июнь — первый летний месяц с юным названием. «Как бы резвясь и играя», молодецки погромыхивает он тютчевскими раскатами с внезапными набегами коротких теплых ливней, от которых вовсе не хочется прятаться, а неудержимо тянет разуться и пошлепать босиком по пахнущей дождем дымящейся дороге.

По обе стороны большака разворачиваются неоглядные дали — не просто убегающая к горизонту докучливая ровнота, а размашистая череда холмов: вверх — вниз, вверх — вниз, будто глубокие вавилонские вздохи, словно бы дышала земля и не могла надышаться под благодатным мирным июньским небом. Где-то за тридевять-земельной далью, у самого края уже невидящего синюющего взгорья, как бы и сами начинают отрываться от земной тверди, обращаясь в призрачное скопище облаков. И сколько видит глаз, все вокруг одето молодой ликующей зеленью: с легкой сивдой зеленеют озимые хлеба, уже пробующие гнать первые ветровые волны; зеленым пологом растекается по балкам и яружным склонам шалфейно-ромашковое разнотравье; и особенно весело и зелено, зеленее хлебов и трав — лепечет и полощется по межхлебным холмам и овражным овершиям молодой тонконогий осинник. И вместе с медвяными волнами зацветающего подморейника, как сон, как сладкая обволакивающая дрема, бархатно и усыпляюще доносится кукушкино кукование...

Здесь бились за каждый метр, за каждую рытвину.

Сколько братских могил на этих холмах!

ДАЧА

Мой приятель иногда зовет к себе на дачу. Ну поехал... Стоит какой-то сплюснутый с боков домик под крышей топориком, растут, мешая друг другу, яблоньки. Что-то там под ними посажено. Что-то вьется кверху, лезет на забор из возделанной тесноты. Все это радует хозяина. И я его понимаю. Но только умом. А душе моей скучно в этой огороженной вольере, среди таких же изгородей и домушек справа и слева, спереди и сзади.

По мне лучшая дача — это вольная воля, от горизонта до горизонта, где нет ни изгороди, ни калиток.

ТВОРЧЕСТВО

Истинный писатель, что пантач: в период творчества сбрасывает рога прежних достижений, которыми красовался среди своих собратьев, забивается в угол, в самую крепь своего бытия, становится жалким и беспомощным перед чистым листом бумаги. И пока в затворничестве пишет книгу, у него нарастают новые факты содеянного — еще болезненные, не затвердевшие, не опробованные жизнью.

ПРАЗДНИК

Матушка моя Полина Алексеевна вступила в наш спор о нынешних праздниках.

— Какой же это праздник, если и в будни рюмка, и в красное число тоже...

Праздник копится в ожидании. Бывало, в пост так надеешься, что в Велик день кажется, будто и петух по-другому кукарекает.

ЗИМНИЕ ПТАХИ

Сюда, в эту девственно непричесанную урему, оставшуюся такой благодаря близкой реке, слеталась на зимовку всякая крылатая живность. Та, что соглашалась и на стужу, и на несытное коротанье ради того только, чтобы не покидать родных мест, не лететь за синь моря, где, может быть, и тепло, да зато одиноко российской неказистой птахе. Среди чужой вечной зелени и пестро расфранченных заморских хозяев.

Вертелись, бегали вверх — вниз по озябшим стволам сизые поползны, дружно просвистывая предзимне затихшую чашобу.

Семейками в пять-шесть душ перепархивали синицы в черных платочках. Обследовали каждый случайно уцелевший на ветке листок. Каждую подозрительную зазоринку, безбоязненно заглядывали в разверстые пасти ракушковых дупел, где среди смерзшейся гнили мог затаиться на зиму какой-нибудь онемевший бескровный червячишко.

С дружным ливневым шелестом сорвались с тропы, на которой невесты что клевали ничейные, нигде не прописанные уречные воробы. Обсыпали куст черноты, вытирают о ветки носы с таким видом, будто только что пообедали из трех блюдов. Но по взъерошенным загривкам без труда можно понять, что клев этот на лесной тропе был пустопорожним, так только, чтобы не сидеть без дела, а уж что они будут клевать, какую отыщут поживу, когда выюга завалит землю и вымолотит из травинки последние семечки, как переберются, одолеют зиму — одному богу вестимо, да и то вряд ли...

О СЧАСТЬЕ

Жорж Сименон на вопрос, что такое счастье, сказал, что счастье — быть искренним.

Так неожиданно на первый слух!

Ведь принято считать, что счастье — в труде, в нужности людям.

Но, поразмыслив, приходишь к согласию: и в труде нужно быть искренним, иначе труд станет обузой, и людям ты нужен лишь тогда, когда искренен с ними.

ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Идущему по земле видны во всех подробностях мелочи дороги. Песчинки, камешки, спящие муравьи, травинки у обочины...

Вознесемся же в небо, хотя и видно масштабно, далеко и широко, но все под ним затуманено высотной дымкой.

Не видать и самого шагающего по земле, который обратился в абстракцию.

НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

Человека в известной мере можно сравнить с воздушным шаром: к концу пути, когда слабеет полетная сила, приходится выбрасывать из перегруженной гондолы даже самое сокровенное, например, привычку выпить, покурить с другом. Жалко, но что поделаешь: хочется еще хоть как-то протянуть, продлить полет и не так круто грохнуться о землю.